

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ОДА А. П. СУМАРОКОВА, «СОЧИНЕННАЯ В ПЕРВЫЕ ЛЕТА» ЕГО ЗАНЯТИЙ ПОЭЗИЕЙ

Начало творческого пути Сумарокова мы знаем плохо. Его ранние произведения, как и ранние стихотворения других поэтов XVIII в., за редким исключением до нас не дошли. Эпоха, равнодушная к истории творчества, не щадила детские и юношеские рукописи будущих авторов. Сохраненная Сумароковым ода с авторской пометой «сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения», ставшей при издании ее Н. И. Новиковым названием,¹ составляет исключение.

Специальное внимание к ней в этой статье обусловлено стремлением понять особенности одического творчества Сумарокова, к изучению которого в последнее время обращаются все чаще и чаще,² но которое продолжает оставаться одной из важнейших про-

¹ *Сумароков А. П.* Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собраны и изданы Николаем Новиковым: В 10 т. 1-е изд. М.: Унив. тип., Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 2. С. 195–201.

² См. прекрасное издание торжественных од, выполненное Рональдом Врооном, а также сопровождающие его статьи самого Р. Вроона («Оды торжественные» и «Елегии любовные»: История создания, композиция сборников), В. М. Живова (Язык и стиль А. П. Сумарокова) и др. (*Сумароков А.* Оды торжественные. Елегии любовные / Изд. подгот. Р. Вроон. М., 2009). Специальная глава отведена торжественным одам Сумарокова в книге: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода:

блем истории русской лирики XVIII в. Мы до сих пор не имеем удовлетворительного ответа на главный вопрос, поставленный еще Г. А. Гуковским:³ как оды Сумарокова соотносятся с одами Ломоносова. Для ответа на него необходимо комплексное изучение од Сумарокова, а для этого нужно обратиться к их истокам.

«Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения» написана в подражание оде Ж.-Б. Руссо «A la Fortune» (На счастье, 1712) и относится к разряду од философских или медитативных. Сама ода Ж.-Б. Руссо появилась в ходе его полемики с А. Ударом де Ламоттом о характере пиндарической оды.⁴ Poleмика была вызвана кризисом французской оды, форма и основные принципы которой были определены еще в 1693 г. одой «На взятие Намюра» («Sur la prise de Namur») Н. Буало и приложенным к изданию его «Рассуждением об оде» («Discours sur l'ode»). Большая 10-стишная строфа, энтузиазм и «прекрасный беспорядок» определили оду буалоистского типа, по своему характеру панегирическую. Возникшая во французской поэзии в 1710-е гг. полемика об оде затрагивала дальнейшие пути ее развития. Удар де Ламотт предлагал разные способы модернизации ее внешней формы, а одновременно более умеренную и рациональную ее внутреннюю форму. Ж.-Б. Руссо — сохранение внешней формы при усилении ее экспрессии. Взяв для своей оды предмет философской оды, Ж.-Б. Руссо облек его в форму буалоистской оды, отчего заложенная в ней экспрессия возросла. Ода Руссо посвящена размышлению о власти Счастья (случая, фортуны) над людьми, о его роли в удовлетворении тщеславия сильных мира сего, приводящего к войнам и бедствиям народов. Знаменитым полководцам, среди которых Александр Македонский, в оде противопоставлены добродетельные Тит Веспасиан и Сократ, образцом для подражания служит также

Развитие одической формы. СПб., 2005. С. 231–261. Не отказываясь от изложенных в ней наблюдений, не могу не признать, что вынесенные мной приговоры Сумарокову слишком резки. И конечно, проблемы, связанные с одическим творчеством Сумарокова, в ней далеко не раскрыты, а разве только намечены.

³ Гуковский Г. А. Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001. С. 40–72.

⁴ См. классическую работу о Ж.-Б. Руссо: Grubbs H. A. J.-B. Rousseau. London, 1941.

Эней. Обилие имен, калейдоскоп эпох и античных героев — внешние признаки оды Руссо. Внутренние ее свойства связаны с ее обличительным содержанием, с ее исключительной экспрессией, благодаря которой осуждение приобретает характер непосредственного выражения мыслей и чувств. Это разрушало буалоистскую оду больше, чем все эксперименты над нею Удара де Ламотта. Ведь буалоистская ода, основанная на платоническом идеальном видении мира, умозрительна, и всякое индивидуалистическое начало ей противопоставлено.⁵ Но именно заявленный в оде Руссо новый, как будто бы личностный, способ выражения мыслей и чувств послужил ее успеху не менее, чем ее прекрасная форма и пацифистское содержание, импонирующее зарождавшемуся во Франции антропоцентризму.

Особый эмоциональный накал оды Ж.-Б. Руссо и пленил, по-видимому, Сумарокова. Он явно увлечен не столько ее темой (власти Счастья), сколько новыми возможностями как будто бы прямого выражения своих чувств. Больше, чем заявленная в первой строфе тема оды — изображения пагубности счастья (случая) и человеческого тщеславия, на подражание Ж.-Б. Руссо указывает гневная эмоция оды Сумарокова. При всей ее неровности молодому поэту в целом удается взять верный тон, найти верные интонации. Очевидная зависимость от оды Ж.-Б. Руссо не помешала ему отступить от основной ее темы. Не счастьем (случаю), о котором говорится лишь в первой и последней строфах, а осуждению завоеваний и тщеславных полководцев посвящает свою оду Сумароков. В ней счастье не род божества, а лишь одна из мнимых ценностей, которыми прельщаются государственные мужи, другими пагубами называются лесть («О лесть, душ подлых жертва смертным, Куды ты прославленьем тщетным Геройски имена взнесла!»⁶), гордость («Тя гордость, суеты любитель, В страны Индийски позвала...»; (54))

⁵ В определении и характеристике од я исхожу из своего понимания оды как жанра, изложенного в книге: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы.

⁶ *Сумароков А. П.* Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения // Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 57 (Б-ка поэта). Далее, кроме отдельных случаев, цитаты из стихотворных произведений Сумарокова приводятся по этому изданию, в скобках после них даются номера страниц.

и любовная страсть. Отказавшись от построения оды как речи, обращенной к Счастью, Сумароков обрушивает свои обвинения прямо на ниспровергаемых им героев. Отчасти за счет этого эмоциональный накал русской оды еще усиливается в сравнении с французской. Подражание Сумарокова превзошло французский образец своей страстностью, неистовством. Если в оде Руссо тщеславие полководцев, вызванное им кровопролитие, всесильный слепой случай осуждаются резко, но все же с некоторой дистанции, в оде молодого русского поэта всякая дистанция снята. С абсолютной серьезностью, страстностью он представляет мировую историю как цепь бессмысленных смертоубийств и в разгоряченности ума доходит до бунта против миропорядка: «Не вижу никакия славы, Одна реками кровь течет...». Этих строк не только нет во французской оде, но их не могло в ней быть, они говорят о замахе на человеческую историю другой силы, замахе неофита.

Трудности в изучении «Оды, сочиненной в первые лета...» начинаются с ее датировки. Прежде всего возникает вопрос, можно ли доверять сообщению Сумарокова о поре ее создания. А если можно, мы не знаем, к какому времени он относил начало своего «во стихотворении упражнения», ведь первые известные его оды, посвященные императрице Анне Иоанновне, были написаны в 1739 г. тяжеловесным стихом В. К. Тредиаковского. А это ода четырехстопного ямба, почти всюду свободного, а порой и прекрасно звучащего. Звучание оды, ее энергия, в целом выдержанная на протяжении ее 18 строф, заставляют усомниться в истинности авторского показания. Вопрос о датировке оды приобретает, таким образом, важность не только для творческой биографии поэта, но и для лучшего с ним знакомства, для удостоверения в его правдивости.

П. Н. Берков, опубликовавший оду в «Избранных стихотворениях», ее не датировал, его мнение о времени создания сказалось в ее местоположении в разделе од. Видимо, из доверия к авторской помете он поместил ее сразу после аннинских од как первый опыт «упражнения» Сумарокова в ломоносовском стихе. По предположению П. Н. Беркова, Сумароков намечал включить ее в якобы планировавшийся им сборник «Оды разные»,⁷ однако о таком

⁷ Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избр. произведения. С. 519.

сборнике нам ничего не известно. На отдельный сборник у Сумарокова «од разных» не доставало, скорее, он мог подумывать о подобном разделе в каком-нибудь более общем сборнике своих стихотворений или в собрании сочинений. Раздел второго тома «Полного собрания» его сочинений «Оды разные» Новиков издал, по всей видимости, по тетради или папке Сумарокова, дав и заглавие рубрики авторское и расположив оды в том порядке, в котором они находились у покойного поэта. Насколько раздел был подготовлен автором, не ясно, поэтому и не известно, вошла ли бы в него «Ода, сочиненная в первые лета...». П. Н. Берков предполагает, что она подверглась поздней редакторской правке поэта.⁸ Конечно, если Сумароков готовил раннюю оду к печати, он мог ее поправить, но и тогда едва ли правка была существенной.⁹ Дошедший до нас текст оды вселяет сомнение об авторской подготовке оды к печати: в нем очевидны лакуны.

Они ощущаются с первых строк оды. После приступа Сумароков сразу же принимается за осуждение Александра Македонского, значительно развернув его в сравнении с одой Руссо. При этом Александр не называется им прямо, как не называются в оде по имени завоеватель Вавилона Кир, разрушитель Иерусалима Навуходоносор, «сын Фемиды» Ахиллес, «спартская княжна» Елена. Отсутствие имен делают обращения к неназванным героям, следующие в оде одно за другим, трудными для понимания. Можно было бы приписать неоправданное смещение героев в оде неискренности молодого поэта, если бы некоторые недостающие ее фрагменты не восстанавливались по оде Сумарокова 1743 г. на восшествие на престол Елизаветы Петровны.

Эта ода известна нам по выписке ее строк в статье Третьяковского «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении...» (1750), он же приводит ее заглавие: «Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице

⁸ Там же.

⁹ О позднем вмешательстве автора в текст оды может свидетельствовать лишь ее 64-й стих «Как турка трепет поразил», близкий по своей риторике поэзии эпохи русско-турецкой войны 1768–1774 гг. П. Н. Берков толкует его как отголосок русско-турецкой войны 1736–1740 гг. (Там же).

всероссийской, в 25 день ноября 1743 года».¹⁰ Три строфы в середине этой панегирической оды (7–9) по своему содержанию и звучанию никак с нею не связаны, но напрямую связаны с «Одой, сочиненной в первые лета...». В двух первых из них по именам названы и Александр, и Кир, и Елена. По всей видимости, эти строфы принадлежали первоначальному пространному варианту «Оды, сочиненной в первые лета...». Место первой из них определяется довольно просто, она, по-видимому, находилась между второй и третьей строфами «Оды, сочиненной в первые лета...». Первоначальный текст был таким:

Царя прославити навеки
 Себе достойной ждуще мзды,
 Идут в концы вселенной греки
 В Семирамидины следы,
 И где войск храбрых сила зрится,
 Тут и победа с нею мчится.
 Как воздух молния сечет
 И пламень грома предвещает,
 Так острый меч в полях сверкает,
 И Азия попанья ждет. (54)

Отверзлась вечность, все герои
 Предстали во уме моем,
 Падут восточных стран днесь вои,
 Скончавшись в мужестве своем,
 Когда Беллона стрелы мечет
 И Александр в победах блещет,
 Идущ в Индийские страны,
 И мнит, достигнув край вселенны,
 Направить мысли устремленны
 Противу солнца и луны. (60)

Тя гордость, суеты любитель,
 В страны Индийски позвала,
 Тебя, покоя разоритель,

¹⁰ *Тредиаковский В. К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // *Куник А.* Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 453–472. По статье Тредиаковского текст оды реконструировал П. Н. Берков (*Сумароков А. П.* Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, в 25 день ноября 1743 года // *Сумароков А. П.* Избр. произведения. С. 58–63).

Тщета в край света завела.
Коль смерть бы мало опоздала
Скончать твой век, земля бы стала
Театром греческих темниц.
Ты б из последних стран сих вскоре
Пошел в пространнейшее море
Искать неведомых границ. (54)

Первые две строки первой из вставленных строф в панегирическую оду (в приведенном реконструированном фрагменте это вторая строфа): «Отверзлась вечность, все герои Предстали во уме моем» — были написаны специально для нее. Использованное в них обращение к своему умному видению позволило мотивировать появление в оде древних героев. Это был уже известный прием ломоносовской оды, в философской же руссоистской оде он был не нужен. Место в «Оде, сочиненной в первые лета...» второй строфы из вставленных в панегирическую оду определить труднее. Возможно, она следовала после четвертой строфы «Оды, сочиненной в первые лета...», и первоначальный ее текст был таким:

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невестны,
Себе б поставил олтари.
Но что прохожий возвещает,
Когда он прах твой попирает?
«Здесь под ногой моей лежит
Той, кем вся Азия тряслася,
Чья слава выше звезд неслася,
В пещеру, в снесь червям, зарыт». (54–55)

На Вавилон свой меч подъемлет
К стенам его идущий Кир,
Весь свет его законы внемлет,
Пленил Восток и правит мир.
Се ищет Греция Елены
И вержет Илионски стены,
Покрыл брега Скамандры дым,
Помпей едину жизнь спасает,
Когда Иулий смерть бросает
И емлет в область свет и Рим. (60)

Забудь заразы Брисеиды,
Уставы исполняй судьбин!

Дай зрети, что ты сын Фемиды,
Прогневанный богинин сын!
Пусть гордый Илион валится,
Пускай Скамандрин брег дымится
И хищник примет горьку часть!
Коль спартская княжна прекрасна,
Ты толь, о Фригия несчастна!
Твоя неправдой пала власть! (55)

Очевидная связь строф панегирической оды с «Одой, сочиненной в первые лета...» говорит о близком времени их создания. Если панегирическая ода была написана осенью 1743 г., тем же годом следует датировать и «Оду, сочиненную в первые лета...». Более точную ее датировку позволяют сделать строки из оды на тезоименитство великого князя Петра Феодоровича 1743 г. Ломоносова: «Под инну Трою вновь приступит Российский храбрый Ахиллес»,¹¹ до этого никогда не упоминавшего ни Трои, ни Ахиллеса, ни других древних героев. Их появление объяснимо влиянием «Оды, сочиненной в первые лета...», одним из новаторств которой были звонко звучащие в ней древние имена и географические названия. Ода Ломоносова писалась в начале лета 1743 г., когда он находился под домашним арестом, и его навещал Сумароков, именно в этот период они были «ежедневными собеседниками». Вероятно, работа Сумарокова над подражанием оде Руссо относится к весне — началу лета 1743 г. При своей известной словоохотливости Сумароков не мог не делиться с Ломоносовым если и не законченным к тому времени переложением, то своим увлечением одой Руссо и связанными с нею идеями. Таким образом, и помета Сумарокова о времени создания оды, и доверие к ней П. Н. Беркова оказываются справедливыми. Впрочем, ранняя дата создания оды не снимает в отношении нее вопросов, а ставит новые.

1743 г. — время самого начала новой русской поэзии. Всего два года назад из Германии вернулся Ломоносов и одну за другой начал издавать свои оды, пресекая ими сразу ставший тупиковым путь русской силлабики и силлаботоники варианта Третьяковского. К весне

¹¹ *Ломоносов М. В.* Ода на день тезоименитства е. и. в. государя великого князя Петра Феодоровича 1743 года // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. С. 106.

1743 г., кроме изданных четырех од Ломоносова, в новой, реформированной им поэзии еще ничего нет. Только весной этого года появится его первая духовная ода «Вечернее размышление о Божием Величестве», а летом — три переложения 143 псалма, выполненные Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым. Одновременно летом — осенью 1743 г. Ломоносов работает над «Кратким руководством к риторике», в которое включает отрывки из своих произведений и переводы Древних. Русская поэзия начинает потихоньку осваиваться в новых условиях, заданных ей Ломоносовым. Именно в момент начавшегося расширения ее жанрового и тематического репертуара появляется подражание Сумарокова оде Руссо. В контексте русской поэзии того времени, столь бедной еще образцами, столь однообразной в ломоносовском своем звучании, подражание новаторской для своего времени оде Руссо выглядит событием исключительным. Наряду с только еще утверждавшейся ломоносовской одой, восходящей через немецкий классицизм к оде Буало, Сумароковым была предложена философская руссоистская ода. Насколько случайным было его выступление, с чем оно было связано, имело ли оно продолжение, оказало ли его подражание влияние на развитие русской лирики — вот только некоторые из вопросов, встающих в связи с «Одой, сочиненной в первые лета...».

Датировка оды весной — началом лета 1743 г. имеет косвенное подтверждение. Успех подражания оде Руссо, о котором свидетельствует реминисценция из него в оде Ломоносова, позволил Сумарокову почувствовать себя настоящим поэтом и предложить летом 1743 г. соревнование Тредиаковскому и Ломоносову в переложении 143 псалма, а осенью приняться и за панегирическую оду императрице на день восшествия ее на престол, о которой говорилось выше.

История оды на восшествие 1743 г. необычна. Об ее издании мы знаем только со слов Тредиаковского. Уже Новикову о нем не было известно, а значит, уже к 1780–1781 гг., предположительному времени подготовки издания полного собрания сочинений Сумарокова, экземпляры оды, если и сохранились, были большой редкостью. В отличие от «Оды, сочиненной в первые лета...» ни ее рукопись, ни ее печатный экземпляр не хранились в архиве Сумарокова, иначе Новиков бы ее напечатал. Чудесное исчезновение экземпляров этой первой оды Сумарокова императрице Елизавете

Петровне сравнимо с исчезновением всех экземпляров его оды Станиславу-Августу Понятовскому, уничтоженных в 1765 г. по распоряжению императрицы Екатерины II.¹² Как и ода Понятовскому, это единственная ода (не считая его школьных аннинских од), не включенная Сумароковым в издание 1774 г. «Оды торжественные». Он словно забыл о ней, как старался не помнить об оде Понятовскому. Есть все основания предполагать, что экземпляры этой первой оды Елизавете Петровне были уничтожены.

Причина их истребления объяснима предполагаемым мной плохим приемом ее при дворе. Стоит соотнести между собой три известных факта: отсутствие экземпляров этой оды, отсутствие других подносных од Сумарокова императрице Елизавете Петровне и наступившее изобилие его подносных од сразу после ее смерти. Действительно, после оды 1743 г. Сумароков никогда больше не подносил од императрице Елизавете Петровне. Необходимым, хотя недостаточным, признаком поднесения оды можно считать ее отдельное издание, а до смерти Елизаветы Петровны Сумароков напечатал свои пять торжественных од в журналах 1750-х гг., а не издал их отдельно. Но сразу после ее смерти он становится самым плодовитым одописцем. Уже на восшествие на престол императора Петра III он пишет, издает отдельно и, по-видимому, подносит первую оду после 1743 г.,¹³ спустя месяц — другую оду на погребение императрицы.¹⁴ Затем в продолжение пятнадцати лет его оды появляются с неизменной регулярностью, одна-две, а то и три в год. Не скрываемое Сумароковым желание быть придворным одописцем говорит о том, что его затруднения с поднесением од в Елизаветинское царствование были вынужденными. По всей видимости, они были связаны с провалом оды 1743 г.

Ее плохой прием при дворе можно объяснить тремя вставленными в нее строфами из «Оды, сочиненной в первые лета...». В се-

¹² Степанов В. П. Письма А. П. Сумарокова. Комментарии // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 197.

¹³ Ода е. и. в. государю Петру Феодоровичу <...> в день восшествия его на все-российский императорский престол декабря 25 дня 1761 от Александра Сумарокова. [СПб.]: печ. при Сухопутн. шляхетн. кад. корпусе, [1762].

¹⁴ Ода на погребение е. и. в. блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни Елисаветы Петровны <...> от Александра Сумарокова. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1762.

редине оды, написанной по образцу ломоносовских од и прославляющей императрицу, русские победы, Петра Великого, вдруг отверзается вечность, перед читателями предстают великие герои древности, для того чтобы подвергнуться гневному осуждению, после чего беспомощно, словно по принуждению, поэт возвращается к теме оды: «Но здесь воинский звук ужасный, Подвластен деве, днесь молчит». По поводу этих трех строф, выписанных против обыкновения его разбора вместе, Третьяковский раздражается самой большой в его статье тирадой. Однако в ней нет и намек на их идеологическую неуместность. Но ведь и «Деидамию» самого Третьяковского запретили якобы за жесткость слога, хотя, очевидно, что за этим скрывалась идеологическая подоплека, говорить о которой открыто, по всей видимости, не считалось удобным.¹⁵

Вероятно, Сумароков думал, что тремя руссоистскими строфами он украсит свою панегирическую оду, и в известном смысле был прав. Эти три строфы самое сильное в ней место, своим пафосом они намного превосходят все другие ее 14 строф. Осознанно или по вдохновению Сумароков смешал ломоносовскую панегирическую оду с одой руссоистской философской. Смешения не вышло, получилось искусственное склеивание строф из разных по своему типу од. На общем фоне оды три руссоистских строфы прозвучали неоправданно резко. Особенно вызывающей была третья строфа вставки:

Не вижу никакия славы,
 Одна реками кровь течет,
 Алчба всемирныя державы
 В своих перунах смерть несет,
 Встают народы на народы,
 И кроет мечь Пергамски воды:
 Похвальный греков главный царь,
 Чего гнушаются и звери,
 Проливши кровь любезной дщери,
 Для мщения багрят олтарь. (61)

¹⁵ Живов В. М. «Всякая всячина» и создание екатерининского политического дискурса // *Eighteenth-century Russia: Society, Culture, Economy: Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Wittenberg 2004 (Geschichte, Forschung und Wissenschaft, [Bd. 23]) / Eds. Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Berlin; London, 2007. P. 258–261.

Едва ли приведенная строфа, начало которой прекрасно по своему мятежному звучанию, могла понравиться при дворе. Ведь в ней причиной войн называется алчба, осуждается царь (Агамемнон), проливший кровь своего чада, что неприятно напоминало о Петре Великом, подрываются устои государства. О провале оды на восшествие 1743 г. косвенно свидетельствует будущее творчество поэта. Никогда более он не касался темы алчности и тщеславия завоевателей, не осуждал войн и полководцев. Никогда более он не делал даже слабых попыток заговорить в панегирической оде свободным языком руссоистской оды. Столь удачно найденная им гневная обличительная интонация, равно как и раздумчиво-мятежная, из его поэзии ушли навсегда. В преображенном виде они нашли свое место в его трагедиях, в одах же к ним восходят прямые выпады против турок времен русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Не страхом ли напомнить руссоистские строфы оды на восшествие 1743 г. объясняется неудачное решение Сумарокова обратиться в переводе оды Ж.-Б. Руссо (1759) к хорей? Хорей не позволил взять верного тона, звучание столь любимой им оды, так давно пережитой темы в его переводе, как заметил Г. Р. Державин, «не соответствуют высокому содержанию подлинника».¹⁶ Ямбический же перевод Ломоносова в своей интонации в целом восходит к «Оде, сочиненной в первые лета...»:

Сумароков

Ерусалима разоритель,
 Воззри, где твой престол стоял!
 Ты мертв, о гордый повелитель,
 Божественный твой трон упал.
 Израиль плен свой покидает
 И храм свой паки созидает.
 Когда лишился ты венца
 И с жизнью власть твоя скончалась,
 Куды лесь грубая девалась,
 Которой не было конца? (57)

Ломоносов

Герои люты и кровавы!
 Поставьте гордости конец,
 Рожденной от воинской славы
 Забудьте лавровой венец.
 Напрасно Рима повелитель,
 Октавий, света победитель,
 Навел в его пределы страх;
 Он Августом бы не нарекся,
 Когда бы в кротость не облекся
 И страха не скончал в сердцах.¹⁷

¹⁶ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1868. Т. VII. С. 522.

¹⁷ Ломоносов М. В. Ода г. Руссо Fortune <...> переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 665. Для сравнения приведем перевод той же 11-й строфы Сумарокова, см.: Сумароков А. П. Перевод

Печальный опыт оды на восшествие пресек дальнейшие попытки смешения ломоносовской и руссоистской од. Хотя Сумароков и продолжит поиск новой формы панегирической оды, и шире — стихотворного придворного панегирика, в целом он вынужден будет подчиниться законам панегирической оды. Причина неудачи опыта смешения буалоистской (ломоносовской) и руссоистской од объясняется, по-видимому, не столько неискusstвостью молодого поэта, сколько самой невозможностью смешения разных типов оды. Каждый из них представляет несовместимые друг с другом картины мира. Если французские образцы были вполне далеки друг от друга, еще более разошлись между собой их русские модификации.

Ломоносов сумел вложить в русский вариант буалоистской оды целостное мировоззрение, в котором весь мир, все его уровни находятся в согласии, а Россия и ее монархи помещены в центр вселенной. Время в его оде исчисляется русской историей, а география — географией России и пограничных ей стран. Не случайно, что после опыта в оде на тезоименитство Петра Феодоровича Ломоносов более не упоминал в своих панегириках ни Трои, ни Ахиллеса, ни других греческих и римских героев. Ломоносовская ода не нуждалась в античной мифологии, истории и географии: она основывалась на иных ценностях, чем ода Руссо и тем более подражание ей Сумарокова. Если в «Оде, сочиненной в первые лета...» войны показаны как бессмысленное истребление народов, в одах Ломоносова они осмысляются как необходимое их испытание:

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба

Руссовой оды // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 2. С. 159:

Крови жаждущи герои,
Возмущения творцы!
Вас мечтою славят бои
И лавровые венцы.
Разъярения бесметны
Все Октавиевы тщетны,
Вознесися до небес?
Правосудия блаженством
И спокойства благоденством
Тако он себя вознес.

Унылых к бодрости будила,
<...>
Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,
Обширных областей есть щит,
Могущество крепит державных.¹⁸

За одой Ломоносова стоит представление о мире как о Божественном Творении, а значит, мире, наделенном смыслом и подчиненном порядку, за одой Сумарокова — представление о мире как хаосе, в котором господствует своеволие, и беды людские бессмысленны. В основе оды Сумарокова лежит осуждение, ее главная эмоция — эмоция гнева, в основе оды Ломоносова лежит приятие мира, ее главная эмоция — радость. Возможно ли в панегирической оде ломоносовского типа, направленной на утверждение миропорядка, миропорядок отрицать? А именно это и попытался сделать Сумароков в своей оде на восшествие 1743 г.

Неудача панегирической оды заставила Сумарокова пересмотреть свои взгляды. Уже в следующей известной нам оде «На государя Петра Великого», написанной в 1744 г., войны изображены сочувственно. В дальнейшем Сумароков превратится в самого воинственного из русских одописцев. В изменении взглядов Сумарокова на войну не следует видеть проявления его беспринципности или малодушия, позволившего по указке сверху сделать разворот на 180 градусов. Неудача оды на восшествие 1743 г. послужила лишь толчком к изменению или, точнее, к становлению его мировоззрения. Оно непосредственно связано с идеями, прозвучавшими в его подражании оде Руссо.

Описывая ужасы завоеваний, Сумароков идет дальше Руссо. В его оде появляются не названные во французской оде Кир и Навуходоносор. Они возникают по внутреннему между собой сходству, по ассоциации. Завоеватель мира Александр Македонский вызывает в памяти другого великого завоевателя Кира, Кир — завоевание Вавилона, Вавилон — Навуходоносора и его завоевание Иерусалима. Завоеватели сменяют друг друга на примерно одной части

¹⁸ Ломоносов М. В. Ода на восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны 1761 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 746.

земли — в Персии и Вавилоне — на Ближнем Востоке. Именно череда завоеваний сводит историю в оде Сумарокова к дурной бесконечности бессмысленных войн («встают народы на народы»), но она же разрешает поставить вопрос о последовательной смене цивилизаций.

О том, что очередь теперь за Россией Сумароков впервые сказал в оде «На государя Петра Великого»:

Славы глас о нем он [Океан. — *Н. А.*] внемлет:
 «Кто днесь шествует ко мне, —
 Говорит и взор подьмлет,
 Смотрит к Северной стране,
 Зрит к жилищам Вавилонским,
 Зрит к пределам Македонским, —
 Не от тех краев сей царь.
 Тех народов слава пала,
 Днесь славна Россия стала,
 Се — Московский государь».¹⁹

Взгляд, брошенный Славой (Персией) на Вавилон и Македонию, становится много красноречивее в контексте «Оды, сочиненной в первые лета...». На смену заклеянных в ней Кира и Александра Македонского в новой оде приходит российский государь Петр Великий, и его войны осмысляются уже не как бедствия народов, а как путь к славе России. Россия предстает преемницей старых цивилизаций, прежде всего греческой, а русские осмысляются новыми афинянами:

Ныне разум наш сияет,
 Нас Минерва напояет,
 Как афинян прежде нас...²⁰

Так возникает в одах Сумарокова греческая тема, с ее русскими Периклами и Алкивиадами, с мечтой об освобождении Мореи и

¹⁹ *Сумароков А. П.* Ода на государя Петра Великого // *Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии* / Отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2006. С. 190–191. В варианте оды, вошедшей в издание «Оды торжественные», первый стих строфы читается так: «Персия сей ужас внемлет», последний так: «Се — Российский государь» (*Сумароков А.* Оды торжественныя. Елегии любовныя. С. 4).

²⁰ *Сумароков А. П.* Ода на государя Петра Великого. С. 191.

Афин. Уже от Сумарокова ее заимствуют В. П. Петров, М. М. Херасков, Г. Р. Державин и другие поэты, родовые связи этих заимствований легко прослеживаются. У самого же Сумарокова греческая тема непосредственно связана с подражанием оде Ж.-Б. Руссо. К нему восходит и античная ономастика, и топонимика его од, и шире — его панегирика. Древняя история, греческая мифология, средиземноморская и ближневосточная география «Оды, сочиненной в первые лета...» до неузнаваемости меняли историческое и географическое пространство молодой русской оды. Звучные древние имена и далекие географические названия ласкали слух и служили украшением оды. Об уместности в оде древнегреческих сюжетов Сумароков говорит в эпистоле «О стихотворстве» (1747):

В ней [оде. — *Н. А.*] молния делит наполю горизонт,
 То верх высоких гор скрывает бурный понт.
 Едип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
 И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
 Скамандрины брега богов зовут на брань,
 Великий Александр кладет на персов дань,
 Великий Петр свой гром с берегов Балтийских мещет,
 Российский меч во всех концах вселенной блещет... (118)

Строки о древних героях никак не связаны с «Поэтическим искусством» («*l'Art poétique en vers*», 1674) Н. Буало, из которого Сумароков черпал основные мысли своей эпistolы; они подсказаны опытом в подражании оде Руссо. В эпистоле Сумароков отступает от ценностной системы Руссо и своей ранней оды: Александр Македонский преподносится в ней уже как герой. Противоположная прежней оценка Александра связана с тем, что Сумароков в эпистоле говорит о буалоистской панегирической оде, в которой, как он мог убедиться по опыту оды на восшествие 1743 г., осуждать прославленного полководца не к месту. Конечно, в столь разной оценке одного героя проявляется раздвоенность, несовместимая с одой. Зато умение посмотреть на вещи с разных сторон указывает на способность к драматическому роду.

В приведенном отрывке эпistolы древнегреческие имена и географические названия те же, что в «Оде, сочиненной в первые лета...». Лишь странным образом попавший в круг одических героев Эдип выдает будущего драматурга, навязывающего оде трагический сюжет. Круг античной ономастики и топонимики русской

оды и шире — панегирика — на удивление узок. До середины 1770-х гг. почти все ее древние герои повторяются из оды в оду и восходят к одам Сумарокова. Сам же он полностью отработывает попавшие в его поэтический кругозор имена. Так, если в своем подражании оде Руссо он не нашел места для Тита Веспасиана и Сократа, он использует их примеры в слове Елизавете или в оде Павлу.

Вместе с расцветом греческой темы в одах Сумарокова эпохи русско-турецкой войны в них возвращается восточная тема. Забытые на четверть века Вавилон, страны Семирамиды, Инд снова определяют географию од Сумарокова. Мечтой об освобождении (или покорения) русскими Ближнего Востока, а заодно и Египта он воодушевлен не менее, чем освобождением Византии и Афин:

Преклонят пред тобой колена
Страны, где сад небесный был,
И, игом утесненный плена,
Восплещет радостью Нил.
А весть быстрее аквилона
До стен досяжет Вавилона;
Подвигнет волны Инда страх.
Мы именем Семирамиды
Рассыплем пышны пирамиды,
Каир развеем, яко прах.

(Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии (1769; 71–72)).

Никаких политических предпосылок для этой мечты не было, она объяснима только идеей, восходящей к «Оде, сочиненной в первые лета...», в которой великие полководцы поочередно завоевывают Ближний Восток. Теперь, по мысли Сумарокова, настала очередь русских: коль они стали великими, они должны обладать средостением человеческой цивилизации — Ближним Востоком. Без контекста «Оды, сочиненной в первые лета...» восточная тема сумароковских од времен турецкой войны непонятна. Как непонятны и проскальзывающие в его одах мечты о завоевании Россией всего мира. Некогда осуждаемая им «алчба всемирных державы» теперь Сумароковым пропагандируется. Но ведь и великие древние, Александр и Кир, стремились к мировому господству, а значит, и Россия, претендующая на славу, должна стать «всемирной державой».

Идея *translatio imperii*, легшая в основу концепции Сумарокова величия России (хотя полностью к ней и не сводящаяся) по своей сути противоположна концепции Ломоносова. По мысли Ломоносова, величие России основывается не на ее месте в очереди цивилизаций, а проистекает из нее самой. Ее древняя история и обширная география, богатство ее недр и множество населяющих ее народов — ценности, о которых постоянно говорится в одах Ломоносова, — и составляют ее величие. Эти ценности, ставшие топами еще петербургской немецкой оды и от нее перешедшие в ломоносовскую оду, в одах Сумарокова не участвуют. Он разрушает сложившийся еще в 1730-е гг. русский панегирик, наполняя его неизвестными ему прежде идеями милитаризма, мирового господства, беспощадности к врагам, навязчивым уподоблением русских грекам. Ни одна из сумароковских новаций не нашла места в одах Ломоносова.

Государственная концепция Ломоносова, основанная на традиции, разделялась, по-видимому, правительством императрицы Елизаветы Петровны, и именно этим определен его успех в ее царствование. Екатерине II была ближе концепция Сумарокова, основанная на идее *translatio imperii*. Разностью государственных идеологий двух царствований, соотносимой с разностью идеологий од двух поэтов, а не личными отношениями следует объяснять последовавшую в 1762 г. смену ведущих одописцев.

В переложении Сумарокова оды Руссо затрагиваются две темы, прямо не связанные с его будущей одой, но связанные с характером и проблематикой его будущего творчества в целом.

Центральной по своему положению в оде оказывается тема любовной страсти. Она занимает 10 из 18 строф. Восхваление Энея в заключительной строфе оды Руссо превращается у Сумарокова в изложение всей его истории, захватывающее и ее предысторию с гибелью Трои из-за сердечной слабости Париса. Ему, а также Ахиллесу, увлекшемуся Бризеидой, Эней противопоставляется как победитель своего любовного чувства, как государственный муж, поставивший интересы государства выше своих страстей. Тема любовной страсти раскрыта Сумароковым в оде через конфликт долга и страсти. Строки Руссо об Энее вызвали у него ассоциацию с трагедийным конфликтом, обсуждавшимся с опорой на историю

Энея во французской критике 1710–1720-х гг.²¹ Сумароков мог не знать о ней, но, очевидно, что уже к 1743 г. он был знаком с трагедией «Береника» (1670) Ж. Расина, в предисловии к которой история Энея и Дидоны впервые была переосмыслена как конфликт долга и страсти. В увлечении Сумарокова историей Энея в ее трагедийном аспекте угадывается будущий российский Расин.

Другая тема «Оды, сочиненной в первые лета...» относится к завоеванию европейцами Америки. Эта сквозная, хотя и не центральная, тема сумароковского творчества²² появилась в ранней оде как естественное продолжение темы бесконечных завоеваний. Вторая из строф оды, посвященных Америке, была почти дословно повторена Сумароковым в отдельном стихотворении «О Америке» (1759).

**17 строфа «Оды, сочиненной
в первые лета моего
в стихотворении упражнения»:**

Касаются бессмертны суши,
Котору лютость им дала,
Хотят очистить смертных души
И поражают их тела.
В руке святые держат правы,
Блаженство истинныя славы,
Смирненным мзду и казни злым,
В другой — остр меч и возвещают,
Что ближним счастья желают,
Подобно как себе самим. (58)

Стихотворение «О Америке»:

Коснулись европейцы суши,
Куда их наглость привела,
Хотят очистить смертных души
И поражают их тела:
В руке святые держат правы,
Блаженство истинныя славы,
Смирненным мзду и казни злым,
В другой — остр меч; ярься пылают
И ближним счастья желают,
Подобно как себе самим.²³

Это не единственный пример использования Сумароковым фрагментов ранней оды в своем зрелом творчестве. Так, довольно уродливые ее строки:

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невместны
Себе б поставил олтари... (54)

²¹ Brunetière F. Études critiques sur de la littérature française. Paris, 1903. VII série (d'évolution de la tragédie). P. 205–217.

²² Наиболее полно она раскрыта в разговоре в царстве мертвых «Кортец и Мо-тецума» (Сумароков А. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 9. С. 262–274) и в балете «Прибежище Добродетели» (1759) (Там же. Ч. 4. С. 191–215).

²³ А<лександр> С<умароков>. О Америке // Трудолюбивая пчела. 1759. Ноябрь. С. 704. (Сумароков А. Полн. собр. всех соч. Ч. 9. С. 156).

он в 1763 г. с небольшими изменениями включит в оду на новый 1763 г.:

Я тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Императрице нашей вместины
Усердья вижу олтари...²⁴

а еще через три года обыграет их во вздорной оде «Дифирамв Пегасу» (1766):

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Никому коню не вместины
Себе поставил олтари... (294)

Во вздорных одах есть и другие примеры строк «Оды, сочиненной в первые лета...», что свидетельствует не о презрительном к ней отношении зрелого автора, а о непреходящей для него ее актуальности.²⁵ В продолжение всей жизни поэт держал раннюю оду в памяти, и ее строки прорывались и в серьезные его произведения, и в пародии.

В раннем подражании Сумарокова оде Руссо удивительным образом запечатлелись черты его будущего творчества. В ней намечен круг тем его будущей лирики, прослеживаются истоки его мировоззрения, проявляется его склонность к сочинению трагедий, определяется его поэтический темперамент. Она предстает своего рода конспектом или, лучше, кодом к его будущему творчеству, без которого оно плохо понятно. Именно эта ее особенность делает ее редким в истории литературы примером раннего творчества. Известные нам более или менее ранние стихотворения поэтов старой поэтической культуры: В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова — неотличимы по своей философии от их зре-

²⁴ Сумароков А. Ода е. и. в. великой государыне Екатерине Алексеевне и самодержице всероссийской на 1763 год января 1 дня // Сумароков А. Оды торжественныя. Элегии любовныя. С. 77.

²⁵ Алексеева Н. Ю. Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 7–14.

лых творений. Старая культура основывалась на христианском вероучении, которое наделяет людей мировоззрением от их юности, освобождая этим от метаний в поисках истины. Изменение взглядов Сумарокова свидетельствует о том, что он уже не полностью принадлежит старой культуре. Самостоятельный поиск истины, приводящий к изменению взглядов, придет с романтизмом, с наступившим вместе с ним индивидуализмом. Однако в раннем творчестве поэтов этой эпохи трудно найти произведение, охватывающее собой все мироустройство целиком. Изображение целостной картины мира — преимущество оды, лирические стихотворения поэтов-романтиков представляют собой фрагменты общей картины. Как всякая ода, ода Сумарокова стремится к отображению целостной картины мира, потому в ней и нашли отражение его будущие темы и мысли. Однако ее личностное начало мешает целостности. В оде Сумарокова мы наблюдаем невероятно раннее, на самой заре становления классицизма, проявление индивидуалистического духа в русской поэзии. Он будет потом укрошен, загнан внутрь, подлажен под требования эпохи, с господствовавшим в ней классицизмом, и русская поэзия прочно забудет о событиях 1743 г. и о возможных путях своего развития. В этой связи встает вопрос, было ли это раннее мятежное проявление Сумарокова, заставляющее вспомнить о романтизме, обусловлено исключительно его личностью или в нем заключена закономерность развития русской поэзии?

Ответ на него лежит через осмысление совпадения пути становления раннего Державина с путем, намеченным, но не пройденным Сумароковым. Державин начинает ровно с того места, с которого Сумароков за тридцать лет до того вынужденно свернул. В 1774 г., случайно наткнувшись на немецкий прозаический перевод французских руссоистских од Фридриха Великого, он увлекается ими, как некогда Сумароков увлекся одой самого Руссо.²⁶ Так же как Сумароков, он тут же создает подражание поразившим его одам. Так появляются оды «На Великость» (1775) и «На Знатность» (1775). Именно в них он пробует свой будущий голос, находя порой верные интонации, как некогда Сумароков настраивал свой голос

²⁶ Алексеева Н. Ю. Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 75–92.

в подражании оде Руссо. Их обоих пленяет в руссоистской оде возможность свободного излияния своих мыслей и чувств, ее страстность, которой оба они ищут соответственного выражения. У них обоих отказ от ломоносовской оды ведет к повышенной горячности, страстности, которые становятся у них обоих характерным самоопределением своего поэтического таланта.

Державин пошел путем Сумарокова в ту пору, когда его «Ода, сочиненная в первые лета...» была еще не напечатана, а сам ее автор здравствовал. Сумароков мог читать вышедшие в 1776 г. «Читалагайские оды». Державин же прочтет руссоистскую оду Сумарокова лишь в 1781 г., во втором томе начавшего выходить «Полного собрания всех сочинений А. П. Сумарокова», подписчиком на которое он был. К этому времени он уже будет сложившимся поэтом, но раннюю оду Сумарокова он запомнит и в своей оде «Водопад» (1791) использует ее фрагмент, повторив не только мысль и образ строк Сумарокова, но и воспроизводя саму конструкцию места, в котором сентенция о червях вложена в уста прохожего:

Но что прохожий возвещает,
Когда он прах твой попирает?
«Здесь под ногой моей лежит
Той, кем вся Азия тряслася,
Чья слава выше звезд неслася,
В пещеру в снедь червям зарыт». (54–55)

Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вокруг его главы?..²⁷

Вполне по-державински звучит и заключительная строфа оды Сумарокова:

Прибытка, счастья и славы
Основав в истине предел,
Благословенныя державы,
Благих побед, великих дел, —

²⁷ Державин Г. Р. Водопад // Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и общая ред. Д. Д. Благого. Примеч. В. А. Западава. Л., 1957. С. 189 (Б-ка поэта).

Не сила, ум един содетель,
Хранящий в сердце добродетель.
Пусть меч рвет области из рук,
Огонь в пепел грады рассыпает,
И крепки горы разрывает, —
В неправде то единый звук. (58)

Сходство мыслей, образов и интонации этого отрывка со строками зрелого Державина заставляют задуматься о происхождении мудрой примиряющей дидактики в лирике XVIII в. Не есть ли она естественное разрешение негодования по поводу несовершенств мира? Но это тема отдельной работы.

Совпадение раннего Державина с ранним Сумароковым в их увлечении руссоистской одой свидетельствует об объективном значении оды Руссо для русской лирики, особенности развития которой определены поздним возникновением в России поэзии, отсутствием в ней любовной, пейзажной, философской поэтических традиций. Расцвет в России оды превратил ее в центральный жанр поэзии, именно внутри нее как внутри наиболее развитого жанра русская лирика искала пути своего преобразования. Ломоносовская ода была законченной, а потому не заключала в себе возможностей развития. Мешала и ее умозрительность, не допускавшая прямого выражения мыслей и чувств. Язык для непосредственного их выражения предлагала ода Руссо, и русская поэзия сначала в лице Сумарокова, а потом Державина жадно ему училась. Столь раннее обращение Сумарокова к оде Руссо свидетельствует, что недостаток способа выражения мыслей и чувств в новой русской поэзии ощущался с самого ее начала. Несвоевременный романтический всплеск Сумарокова обусловлен, по-видимому, чрезмерной узостью и чистотой раннего русского классицизма, определявшегося исключительно Ломоносовым.